

публицистические статьи, которые автор посвятил интеллигенции, друзьям, оставившим глубокий след в его памяти. К ним можно отнести такие статьи как, «Воспоминания о профессоре Акрам Джафаре» [16, Пс.с.219], «Вспоминая Мушвига» [16, с.226], «Народный поэт Самед Вургун» [16, с.219], «Вспоминая Вагифа Гусейнова» [16, с.287], «Незабываемый актер Али Салахлы» [16, с.303], «Он был моим учеником» [16, с.306], «Следы на камне» [16, с.310].

Публицистические произведения в литературной среде региона, с которыми мы сталкивались во время исследования, богаты и красочны как по тематике, так и по особенностям этого жанра. Наряду с публицистическими произведениями, посвященным и развитию спорта, образования и др. сфер в регионе встречаются публицистические статьи, посвященные творчеству и жизни известных поэтов, ученых, религиозных деятелей, интервью и беседы с ними, что свидетельствует о всестороннем развитии региона. Это богатство и разнообразие является, прежде всего, одним из основных факторов развития литературной среды региона. Потому что, чем богаче литературная среда, тем больше о ней пишут, а в прессе записываются и публикуются различные интервью о жизни и творчестве известных поэтов и писателей, которые сказали свое слово в литературной среде. В результате исследования было выявлено, что публицистика в литературной среде Лянкярана сильно развита. Поэтому, мы пришли к выводу, что целесообразно посвятить ей отдельную исследовательскую работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамир Джавад. «Здравоохранение Лянкярана в надежных руках». Журнал «Сёз». Баку, 200 N4 с. 29

2. Агамир Джавад. «Целитель души». Журнал «Сёз», Баку 2009, N 2 с. 36.

3. Агамир Джавад. «Интеллигент, живущий в сердцах». Журнал «Сёз», 2007 N 2 с.36.

4. Аллавердиев Дж. «Отец Лянкяранской школы бокса». Журнал «Сёз», 1.2007 N38 с.32.

5. Азад Зюлалоглу «Доктор Солтанага». Журнал «Мешел» 3/2014, с. 23/

6. Идрис Шюкюрлю «Подарить жизнь». Журнал «Мешел» 3/2016, с. 8.

7. Идрис Шюкюрлю «Подарить жизнь». Журнал «Мешел» 3/2016, с. 8.

8. Керимов Б. «Эйюб муеллим» Журнал «Яшил чай», ноябрь 2013 07(09), с.65 9. Мехралиев М. «Сострадательные сердца». Газета «Лянкяран» 15 июня 1991.

10. Мехралиев М. «Давайте восстановим нашу работу». Газета «Лянкяран» 17 февраля 1991.

11. Мехралиев М. «Здравоохранение - всенародное дело». Газета «Лянкяран» 17 июня 1993

12. Мамедали А. «Мудрый руководитель храма науки». Журнал «Мешел» 2/2017 с. 4.

13. Гаджи Сардар Гусейнов «Нур Магомед А.С.» Журнал «Мешел» 1-2/2011, с.18.

14. Гамзагызы Ш. «Кроме слова ничего не осталось». Баку: Нурлан, 2007, 143 с.

15. Тагиров Э. Совершенные люди на пике медицины. Журнал «Мешел» 2015, N 2 с. 6

16. Талышлы Г.М. Произведения II том. Баку: Адилоглу, 2007, 388 с.

17. Талышлы М. Учитель математики-любленный в поэзию, искусство. Журнал «Сёз», 2006, N3 с. 30.

18. Талышлы М. «Профессор Тарыверди Азизов». Журнал «Сёз», N3 2007 (40) с. 13.

19. Талышлы М. «Письмо слову» Журнал «Сёз», 1. 2018(75) с. 16.4

ТИПЫ БЕССОЮЗНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.74.772

Тариева Лилия Увайсовна

*Доктор. филол. наук,
профессор кафедры русского языка,
г. Магас*

TYPES OF UNIONLESS STRUCTURES IN THE INGUSH LANGUAGE

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются виды бессоюзного предложения, части которого могут кумулировать различного рода маркеры, свидетельствующие о взаимодействии ядерных предикаций в составе сложного бессоюзного предложения. Структурные компоненты частей сложной конструкции, наряду с соответствующей интонацией, обуславливают значение сопоставления, противопоставления, пояснения, обусловленности, присоединения, уступки и др., обеспечивая когезию частей в сложном бессоюзном предложении, демонстрирующем гипотаксическую, и / или паратаксическую связь. В статье впервые сложные бессоюзные конструкции рассматриваются в соответствии с компонентами парадигмы лица, прототипически обуславливающими ядерные предикации ингушского элементарного предложения.

ABSTRACT

The article considers various types of unionless sentences, the parts of which can cumulate markers of different types testifying the interaction of nucleus predications in the composition of complex unionless sentences. The function of structural components of complex constructural parts, together with the intonation, determines the

meaning of comparisons, contradictions, explanations, affiliations, concessions and etc., providing the cohesion of complex constructural parts in hypotactic and paratactic text.

Ключевые слова: сложное бессоюзное предложение, ядерные предикации, лица парадигмы, пояснительные, перечислительные, присоединительные, интонация.

Key words: complex unionless sentences, nucleus predications, explanatory, enumerative, connecting, intonation, person, paradigm

Вводная часть.

Сложные бессоюзные предложения ингушского языка предназначены для четкого и лаконичного выражения мысли, согласно закону экономии языковых средств. Онтогенетически сложные бессоюзные предложения первообразны: возникают путем сложения мыслей. На их базе, в процессе формирования морфологизированных средств когезии, возникают другие типы сложных предложений.

В отечественной грамматике различаются несколько интерпретаций, дифференцирующих типы сложного предложения, в основном связанные с выделением линейных компонентов номинативного предложения.

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что в эргативных языках структурно-семантическая константа – предикация – в корне отличная от представления грамматического ядра номинативного предложения, прототипически связана с компонентами парадигмы лица [9, с. 4-5, 8], по «опыту» которых осуществляется переход по аналогии с субъектных свойств лиц на свойства предметов объективного мира. Номинативные языки индифферентны парадигме лица. Однако другие маркеры, кроме лиц парадигмы, линейные и нелинейные (слова-скрепы, порядок слов, интонация, пауза) могут совпадать в языках различных стратегий, в нашем случае – номинативной и эргативной.

В.А. Белошапкова, точка зрения которой отразилась в Грамматике 1970, предложила деление сложных конструкций на предложения **типизированной и нетипизированной** структуры [1; 8, с. 767]. А.М. Пешковский выдвинул концепцию бессоюзных предложений **недифференцированной** структуры [4, с. 465-471].

Основная часть. Для нас важна концепция Н.С. Валгиной, согласно точке зрения которой бессоюзными считаются сложные конструкции **со структурно-обусловленными частями**, обладающими показателями объединенности частей и **со структурно-необусловленными частями**, т.е. не имеющими специальных структурных показателей когезии частей [2, с. 338-340].

Основным методом исследования типов сложных бессоюзных конструкций является сравнительно-сопоставительный. Применяется также метод наблюдения и компонентного анализа, когда важным является составляющие предикации эргативных языков (лица парадигмы), объединяемые в сложном предложении.

Для нас также важно, что Н.С. Поспелов, наряду с А.М. Пешковским, указал в качестве

релевантного на просодемический аспект толкования частей бессоюзных сложных предложений, придав интонации особое значение в их выделении [4; 5]. Интонация как просодемический маркер представления сложного бессоюзного предложения одинаково важна в разграничении частей сложной конструкции как для языков номинативной, так и для языков эргативной стратегии.

В ингушском нахском языке линейным компонентом выделения бессоюзной конструкции является, прежде всего, форма и содержание ядерной предикации (номинативной, эргативной, аффективной), сильно отличающейся от языков другого строя, в котором в качестве морфологизированной выделяется только номинативная предикация. Функционирование сложной бессоюзной конструкции в языках различных стратегий может демонстрировать и схожие структурно-семантические показатели, наряду с просодемическими составляющими. Постановка проблемы такого характера связана с одной из основных задач статьи, заключающейся в том, чтобы показать, что отсутствие союзов есть, на наш взгляд, основной антимаркер в структуре сложного ингушского предложения, обуславливающий не просто его квалификацию в качестве бессоюзного, но и выдвигающий другие показатели – маркеры, линейного и нелинейного характера (слова-скрепы, интонацию, паузу) в качестве квалификаторов когезии частей. Другой важной задачей, поставленной в статье, является обоснование типов бессоюзных конструкций ингушского языка.

Сложное бессоюзная конструкция ингушского нахского языка может быть первообразной, т.е. автономно сложившейся как бессоюзное синтаксическое явление:

1. *Малх (NOM) хьалбоал, йовхал (NOM) отт цу сахъте* 'Встает солнце, тотчас устанавливается жара'.

2. *1а (NOM) хьатладоагъла, ди (NOM) лоацлу* 'Настает зима, день укорачивается'.

3. *Лоа (NOM) меллаиха доагъла, цунца цхъан догъла (NOM) делх* 'Снег медленно падает, одновременно с ним идет дождь'.

Сложные предложения подобного рода, грамматическая основа которых состоит из однотипных предикаций (в нашем случае – номинативных), демонстрируют последовательность событий, вытекающих одно из другого как следствие (пример 1, 2), либо указывают на одновременность действий (пример 3).

К такого рода конструкциям в ингушском языке подключаются союзы, по мере их генерации

в языке, преобразуя бессоюзные конструкции в сложносочиненные предложения:

Малх (NOM) хьалбоал, йовхал (NOM) а отт цу сахъте 'Встает солнце, и тотчас устанавливается жара'.

Іа (NOM) хьатІа а доагІа, ди (NOM) лоац а лу 'И зима настает, и день укорачивается'.

Лоа (NOM) меллашха доагІа, тІаккха цунца цхъан догІа (NOM) делх 'Снег медленно падает, и с ним одновременно идет дождь'.

Первый из сочинительных союзов (*а* 'и') первообразный, второй составной (*а...а* 'и...и'), может примыкать к одному из компонентов предикативного центра сложносочиненного предложения (подлежащему и / или сказуемому). Производный союз (*тІаккха* 'и'), омонимичный наречному *тІаккха* 'потом', обозначен еще И.А. Оздоевым в качестве сочинительного [3]. Сочинительный союз *тІаккха* 'и' возник на основе трансформации наречия с темпоральной семантикой (*тІаккха* 'потом') в служебную часть речи. Практика десемантизации наречных слов и их экстрадация в союзное слово – исторически последовательное явление для ингушского нахского языка (например, наречие *массаза* 'всегда' и союзное слово *массаза* 'когда', возникшее на его основе, и др.).

Употребление и дифференциация синонимичных сочинительных союзов (*а* 'и', *тІаккха* 'и') предстает как линейный и просодемический (интонация или пауза) маркеры когезии частей сложной конструкции.

Значение последовательности и / или одновременности может возникнуть и в бессоюзной конструкции с разнотипными (разнородными) предикациями:

Дас (ERG) доккха цІа эц, тхо (NOM) цу чу даха Іохови 'Отец покупает большой дом, мы начинаем в нем жить'.

Сравните с союзной конструкцией (*Дас (ERG) доккха цІа эц, тхо (NOM) цу чу даха Іо а хови*), возникающей на основе первообразной бессоюзной.

4. *Сона (AFF) укказа саг а вовзац, дІадахача бакъахъа да вай (NOM)* 'Я здесь никого и не знаю, лучше мы уйдем'.

5. *Беро (ERG) нана хъаехар, цунна (AFF) цу сахъте бера оаз хозар* 'Ребенок звал мать, она тотчас слышала его голос'.

Бессоюзное предложение с разнотипными предикациями: эргативной и номинативной (пример 7), аффективной и номинативной (пример 8), эргативной и аффективной (пример 9) также могут выражать значение последовательности (примеры 7-8) и одновременности (пример 9), экспонированное с соответствующей интонацией.

На месте производного союза (*тІаккха* 'и') с позицией между двумя частями сложного предложения (или в позиции рядом с предикативными компонентами) в ингушском языке возможен одиночный сочинительный союз (*а* 'и'). Союзное средство *и* 'и' не может соединять подобного рода конструкции (пример 9), так как в

таком случае генерируются совершенно иной тип сложной конструкции с комплетивными отношениями (подчинение: *Беро нана хъаехари, цунна бера оаз хазари, гора сона* 'Я видел, что (как) ребенок звал мать и что (как) она его слышала').

При интерпретации смысловых отношений, возникающих в составе бессоюзных предложений, большую значимость приобретает интонация, которая начинает выступать как средство, обеспечивающее единство частей сложной конструкции, в пределах которой наблюдается интонация начала и конца.

Различного рода предикации (постулированной семантики: номинативные, эргативные, аффективные и приобретенной: локативные, п осессивные), объединяются в ингушском языке в сложное бессоюзное предложение посредством разнообразного интонационного оформления и других показателей-маркеров в широком смысле этого слова. Маркеры когезии: конкретные (союзы, союзные слова), отодвигая просодемический компонент связи (различного рода интонацию) на второй план разрушают область бессоюзия, экстрадируя бессоюзие в гипотаксическую или паратаксическую (сочинительную) плоскость.

Наряду с интонацией и аспектно-временной представленностью предикаций в определении типа бессоюзного предложения эргативного языка важную роль играют также и слова-скрепы, т.е. структурно-семантические регуляторы интеракциональности частей в составе сложного.

Сложное бессоюзное предложение гомогенного состава в ингушском языке может представлять эргативные части, объединенные, например, интонацией **противопоставления** и демонстрирующие синхронно отношения (сочинения и подчинения):

6. *Селхан хийжача малхо (ERG) деррига дуне дІоахдир (Vf), отара клал-м ша (ERG) башанзар (Vf)* 'Вчера светившее солнце прогрело весь мир, под навесом лед-то не растаял'.

Частица (-м) сродни союзу с частицей (*хІаьта* -м 'а вот'), как слово-скрепа она придает предложению и оттенок **сопоставления**.

При соответствующей форме глагола (*дІоахьдаь дале а* 'несмотря на прогрев') данное предложение может быть квалифицировано и как экспонирующее подчинение (значение **условности** при наличии союза *дале а* 'хотя и').

Соотносительные слова, наряду с интонацией противопоставления, участвует в связывании частей сложной конструкции в единое структурно - семантическое целое:

Дешархочо (ERG) йиь пхиь яккхаяр (Vf) цу дийнахъа, цІагІарчар (ERG) вІалла теркалдинзар (Vf) цун толамаи 'Ученик четыре пятёрки получил в тот день, домашние никак не отреагировали на его достижения'.

Обе части бессоюзной конструкции эргативные, производные с общим модально-временным планом (претерит), она может быть квалифицирована и как экспонирующее

подчинение (значение **уступки**) и как сочинение (противопоставление). Каузативный глагол (*теркалданзар* 'не отреагировал') состоит из двух частей: *теркал* 'реакция' и *ду* 'делать'.

Части сложного предложения могут состоять из различного типа предикаций, демонстрирующих неоднозначные отношения:

Хозал (NOM) – делкъелца, дикал (NOM) – валлалца 'Красота – до обеда, доброта – до смерти'.

Сона-м (AFF) цига хлама дайнзар, наха -м (AFF) деррига гу 'Я то там ничего не увидел, люди то видят все'.

Двенадцатое предложение состоит из номинативных предикаций, тринадцатое – из аффективных со значением **сопоставления**. Предложения данного типа со словами скрепами (-м, -м, дайнзар-гу) квалифицируются в качестве конструкций с однотипными частями, между которыми складываются отношения **сопоставления**. При инкорпорации сопоставительного союза (*а* 'а': *Хозал (NOM) – делкъелца, а дикал (NOM) – валлалца* 'Красота – до обеда, а доброта – до смерти'. *Сона-м (AFF) цига хлама дайнзар, а наха-м (AFF) деррига гу* 'Я то там ничего не увидел, а вот люди-то видят все'.) структурно-семантически они соотносятся с одноименными сложносочиненными предложениями, поэтому их часто называют сочинительными предложениями.

Союз *а* 'а' со значением сопоставления, который возник на основе функции союза *а...а* 'ни...ни', в ингушском языке омонимичен сочинительному союзу *а* 'и'. Не последнюю роль в его генерации в качестве сопоставительного сыграл универсальный закон экономии языковых средств.

Бессоюзные предложения с интонацией **перечисления**, также относящиеся к сочинительным, дифференцируются на основе комплекса признаков, равно как и бессоюзные предложения с сопоставительными отношениями:

Хлара шера къонгаи (NOM) цлабоагла (Vf), бетта цкъа мехкарий (NOM) ух (Vf), юхе гаргара нах (NOM) бах (Vf), са сагот де дезаи хлама дац (NOMVf) Бронкарга 'Каждый год приезжают сыновья, раз в месяц приходят дочери, рядом живут родственники, у Бронки мне не за что переживать'.

Баб тийша болх (NOM) тлехье мара гучабаланзар (Vf), Магасе адам (NOM) глеттар, цу дийнахъа глалглай лоамаш (NOM) сийрдадавлар (Vf), эзарле хьалха санна сабаре, сайтина латтар (Vf) уж (NOM), цхьаннахъа глоргдац (Vf) лоамаш (NOM), гявараи (NOM) духа леларгбац (Vf) вай лавтта глolla, лоамаш а, глалаи а (NOM), массаза санна, глалглаица хургда (Vf) уж (NOM), Дала мукъалахъ 'Совершенная подлость обнаружилась позже, в Магасе собрался народ, в тот день ингушские горы посветлели, как много тысячелетий назад спокойно, безмятежно стояли они, никуда ни горы, ни башни не денутся, враг недолго будет топтать нашу землю, горы, как и прежде, пребудут с ингушами, Бог даст'.

Значение **следственности** (пример 14) возникает между заключительной и всеми

предшествующими предикациями, демонстрирующими интонацию **перечисления** (перечисляются события, которые в целом дают общую картину описываемой ситуации). Части сложной конструкции относятся к предложениям открытой структуры, демонстрируя события, происходящие синхронно. Аспектно-временные формы глаголов-предикатов представляют четыре номинативные конструкции и одну заключительную посессивную (коррелирующую с эргативной: *са сагот де дезаи* и / или *аз сагот де дезаи*). Корреляция двух лиц (Произносящего эргативного и Посессива) обусловлена, на наш взгляд, семантическим сдвигом в значении составного сказуемого, образованного эргативным и аффективным глаголами, при котором эргативный компонент парадигмы лица коррелирует с посессивной функцией лица [10], указывая на одну из форм понижения деривации, связанную с каузативными процессами ингушского языка [9, с. 253-254].

Пятнадцатая иллюстрация состоит из семи номинативных конструкций, которые возможно квалифицировать, если применить терминологию Н.С. Валгиной [2, с. 336-337], как предложение с не строго дифференцированными отношениями, с неоднотипными частями.

Между двумя ситуациями предложения с неоднотипными частями могут сложиться значение **условности** внутри **разъяснительной** части:

Цкъаза со (NOM) кхетаде волау (INVFf): иха ма валара (DEEVf) Руслан (NOM) наьха шахъаре, массанена (AFF) вицвенна хургвар (Vf) из хланззе 'Иногда я начинаю осознавать, не ходи Руслан в чужой город, давно бы все его забыли'.

Первая и вторая части бессоюзного предложения ингушского языка (пример 16) по структурным компонентам и по содержанию демонстрируют подчинительную связь с изъяснительным значением. Значение ирреальной ситуации в приведенной конструкции создается модальностью предположительности (ср. *Цкъаза со кхетаде волау, нагахъа санна Руслан иха вецаре наьха шахъаре, массанена вицвенна хургвар из хланз* 'Иногда я начинаю осознавать, что, если бы Руслан не ходил в чужой город, давно бы все его забыли').

Бессоюзное предложение, демонстрирующее подчинительную связь, в препозитивной части может указывать на время совершения действия:

Ахка (NOM) хьатладоагла (Vf) – дламельхъежача оалхазарий бленаи (NOM) дада (Vf) лам тла 'Наступает лето – куда ни глянь на озере лежат птичьи гнезда'.

Соотношение аспектно-временных форм глаголов-предикаций указывает на тот факт, что время действия первой части обуславливает темпоральность события во втором предложении. Бессоюзная конструкция соотносится, с одной стороны, со сложноподчиненным предложением с временным придаточным, с другой – со сложносочиненным соединительным предложением, т.е. квалифицируется как

конструкция с недифференцированной структурой. Дифференциация определяется синхронно с инкорпорацией соответствующего союза, и тогда просодемический компонент определения, или маркирование когезии между частями сложного уступает место другой «марке».

Недифференцированность (нетипизированность) подобного рода бессоюзных конструкций может проявляться в соотносительности их частей со сложноподчиненными предложениями:

Хлама яа безам бий – болх бе сарралца 'Хочешь есть – работай до вечера'.

Бессоюзная конструкция, состоящая из посессивной и эргативной предикаций, семантически соотносится со сложноподчиненным предложением с придаточным условия в препозиции (ср. *Хлама яа безам бале*, или: *Нагахьа санна хлама яа безам бале* 'Если есть желание кушать, ...'). Формант *-ий* (бий) привносит в предложение также и вопросительную интонацию.

Между частями сложного бессоюзного предложения недифференцированной структуры может возникать пучок отношений:

Беро (ERG) мухаи а яьй, дийлха а дийлхад, когаи Io а бийттаб (Vf) – кхетаче из теркал деш цхьа саг (NOM) вацар (DEEVf) 'Ребенок и капризничал, и плакал, и топал ногами – на собрании никто не обращал на него внимания'.

Отношения противопоставления получают дифференцированную оценку (сочинение или подчинение) при инкорпорации соответствующего союза.

В зависимости от суффиксально-суффиксоидных, точнее, морфемно-союзных средств, участвующих в организации ингушского сложного предложения, между частями сложной конструкции могут возникать различного рода отношения, например **темпоральные**:

Беро (ERG) мухаи мел ю, мел делха, когаи Io мел бетт, из теркал деш саг вацар 'Пока ребенок капризничал, пока плакал, пока топал ногами, никто не обращал на него внимания'.

Если глагольная форма маркирована сочетанием сегмента *-ча* со словом *хана*, то такие части теряют статуса автономного предложения и квалифицируются как развернутый член осложненного предложения:

Беро (ERG) мухаи еча хана, делхача хана, когаи Iобеттача хана, из теркал деш саг вацар 'Ребенок капризничая время, плача время, топая ногами, время, никто не обращал на него внимания'.

Синкретизм в толковании отношений проявляется в том, что они могут быть квалифицированы и как **уступительно-следственные**:

Беро (ERG) мухаи яь яле, дийлха дале, когаи Iобийтта бале, из теркал деш саг вацар (NOM) 'Хотя ребенок капризничал, плакал, топал ногами, никто не обращал на него внимания'.

Отношения между частями сложной конструкции также могут соотноситься по смыслу

со сложносочиненным предложением с противопоставительным значением:

Беро (ERG) мухаи а яьй, дийлха а дийлхад, когаи Io а бийттаб (Vf), амма (или: хлаьта а 'но все же, тем не менее', бакьда 'но') кхетаче из теркал деш цхьа саг (NOM) вацар (DEEVf) 'Ребенок и капризничал, и плакал, и топал ногами, однако на собрании никто не обращал на него внимания'.

Предложения подобного рода соотносятся с подчинительными и сочинительными конструкциями. При соотношении с подчинительными предложениями они произносятся с интонацией обусловленности, обладают, как правило, фиксированным порядком частей в конструкции и демонстрируют закрытость структуры, равно как и предложения **пояснительные**.

Среди бессоюзных предложений неоднородного состава различаются также и **внутри типовые** виды бессоюзных образований, выделяемые на основе специфических смысловых отношений, возникающих между частями сложного предложения.

Бессоюзные конструкции ингушского языка гетерогенного состава могут включать части, объединенные не только значением изъяснительности, причинности и следствия, но и со значением присоединительности:

Да (NOM) Мадаьрцига вахав, ди (NOM) тахан, хетаргахьа, длайха доагла вайна 'Отец уехал к Мади, день сегодня, по-видимому, обещает быть жарким'.

Подобного рода синкретичность в толковании отношений между частями сложного бессоюзного предложения обусловлена не только отсутствием союзов, но и структурно-семантическим своеобразием предикаций бессоюзной конструкции, а также и интонацией прерывистости.

Отношения **присоединения** возникают обычно в сложном двухкомпонентном предложении, когда к первоначальной информации добавляется другая («сторонняя») информация, не обязательно по теме первой части сложной конструкции:

Наха (AFF) хлама хацар (Vf) глалгай лаьттаи длаозарах лаьца, тахан адамо (ERG) хаттар лов 'Люди ничего не знали по поводу «отжатия» земель, сегодня народ выдерживает стресс'.

Цлера кема (NOM) меллаиха меттахдаьлар (Vf) – ди (NOM) цлаьхха тамашийна дера (ADCVf) 'Паровоз медленно тронулся с места – день выдался неожиданно удивительным'.

Даим болча маьлха зланарашта клал ДаьгIасте (NOM) сийрдаьлар (Vf) – нах (NOM) СибрегIара цлааха болабеллар (INFVf) 'Под лучами вечного солнца засиял Северный Кавказ – люди стали возвращаться из Сибири'.

Присоединительные конструкции всегда постпозитивны, следуют за первой, основной информацией главной части конструкции. В грамматике – 80 такие конструкции квалифицируются как сложносочиненные [7, с. 630-

631]. Просодемический маркер – интонация в предложениях подобного рода характеризуется квантом прерывистости, превышение которой обуславливает в ингушском языке отношения парцелляции. Вторая часть сложного предложения относительно самостоятельна, формально не связана с первой частью, в силу представления ею добавленной информации, возникающей в мышлении, за основным высказыванием как цепь событий.

В составе ингушской бессоюзной конструкции встречаются высказывания с коррелятивными отношениями, прямо зависящими от характера компонента парадигмы лица [9, с. 49], встроенного в семантическую структуру глагола: присоединительная конструкция организована эргативной предикацией (пример 24), которая без ущерба для смысла может быть заменена на дативную (– ... *адама хатар хиннад* ‘– ... у народа (народу) случился стресс’). Подобного рода корреляция субъектно-объектных отношений зависит от компонента парадигмы лица ингушского языка, связанной с одной из базовых понятийных категорий (постулированности / приобретенности), свойственной, на наш взгляд, всем эргативным языкам [9, с. 55, 62].

Предикации бессоюзной конструкции формально могут соотноситься со сложноподчиненным изъяснительным предложением с семантикой **пояснения**:

Воккхача сага (AFF) деррига хайра (Vf): цун дезал (NOM) из лехаиш бар (ДЕЕсорф) ‘Старик все узнал: его семья искала его’.

Укх шера хламан саготде дезац (INFVf) Фуртана (POSS): дезал (NOM) цхъан ба (NOMсор) ‘В этом году Фуртану переживать не надо: семья вместе’.

Пояснительные отношения между частями сложного предложения, возникают в конструкции, состоящей, как правило, из двух частей, в главной из которых обычно присутствуют слова с информативной недостаточностью:

Къаьнарча г1алг1ай лаьттара, Цхьорера, дика гора (Vf) гонахье: лоамаи тахан цхъатара малхо (ERG) лувчадора (Vf) ‘Из древней ингушской земли, из Цхьори, хорошо видна окружность, солнце сегодня подряд (одинаково) охватило горы’.

Bola (AFF) хоз, да (NOM) ч1оаг1а лув ‘Сын слышит: отец громко говорит’.

Бессоюзные предложения с семантикой и интонацией пояснения, обладающие комплетивным компонентом в первой конструкции, могут присоединять вторую часть, обычно выражающую следствие препозитивной части, в которой раскрывается содержание первой. Такие предложения отличаются закрытостью структуры, как правило, фиксированным порядком частей. Аспектно-временная соотнесенность предикаций в них может быть неоднородной: аффективной и эргативной (пример 24), аффективной и номинативной (пример 26). Функция взаимодействующих ядерных типов предикаций в их соотношении с категорией

парадигмы лица и понятийной категорией постулированности / приобретенности относится к актуальной проблеме эргативного языкознания.

Обоснование типизированности в эргативном языке связано, как нам представляется, с процессом преобразования ядерных предикаций (постулированной семантики: номинативные, эргативные, аффективные и приобретенные: локативные, посессивные) в номинативные. Процесс этот связан не только с каузативными процессами, но и с возникновением составных и / или сложных глагольных сказуемых. Объединение в одном высказывании глаголов, кодирующих различные лица парадигмы, обуславливает в нахском языке корреляцию именного компонента предикации [10, с. 226]. Сравните конструкции:

Сона (AFF) дукха хлама ла деза цу балха ‘Я должен многое выдержать на этой работе’ (или: ‘Мне многое надо выдерживать на этой работе’) и:

Аз (ERG) дукха хлама ла деза цу балха ‘Я многое должен выдержать на этой работе’ с:

Са (POS) дукха хлама ла деза цу балха ‘Я многое должен выдержать на этой работе’ (‘Мне многое надо выдержать на этой работе’).

Корреляция аффективного и эргативного имени предикативной части ингушского предложения обусловлена объединением в составном глагольном сказуемом глаголов двух различных корпусов, прототипически кодирующих различные лица парадигмы. Модальный глагол *деза* ‘надо, должен’ кодирует магистральной валентностью аффективное имя. Эргативный глагол *ла* ‘терпеть, выдерживать’ кодирует главной валентностью эргативный компонент парадигмы лица (лицо Произносящее).

Бессоюзные сложные предложения в эргативном ингушском языке интерпретируются, прежде всего, не как предложения со снятыми союзами, а как бессоюзные конструкции, выступающие базой для генерации сложных предложений других типов при инкорпорации соответствующих союзов.

Таким образом: Сложное бессоюзное предложение интерпретируется нами как автономное синтаксическое явление (с точки зрения примарности или производности), которое (со всеми маркерами в широком смысле этого слова), служит необходимым условием для возникновения морфосинтаксических показателей, т.е. визуально воспринимаемых маркеров: союзов и различного рода аффиксов, или аффиксов в сочетании с союзными словами (*-ча хана, мел -ча хана, массаза -ча хана, мел -ча метте, массаза -ча метте* и др.).

Сложные бессоюзные предложения ингушского языка типизированной структуры отличаются наличием таких маркеров в широком смысле этого слова, которые указывают на наличие интеракциональности между частями сложной конструкции (слов-скреп в первой части: дейктиков, указательных компонентов, слов с незамещенной синтаксической позицией, объединяющих их со второй конструкцией,

порядком следования частей, закрытостью структуры предложения, координацией компонентов предикативного центра):

- наличием в первой части слов, значение которых **поясняется** во второй конструкции (примеры 28-29);

- наличием во второй части **анафорических** компонентов, объединяющих их с первой (примеры 3, 6, 11-12, 20);;

- наличием слов **комплетивной** семантики в первой части, обычно восполняемой в последующей (примеры 31);

- наличием различного рода ядерных предикаций (эргативной, номинативной, аффективной), являющихся базовыми для генерации предикаций приобретенной семантики (локативной и посессивной) и составных (сложных) сказуемых (примеры 16, 19, 25 и др.).

Сложное бессоюзное предложение ингушского языка объединяет, с одной стороны, гомогенные части: только номинативные и / или эргативные конструкции, или только аффективные конструкции. Части предложения подобного рода могут выражать синхронное значение (одновременности) времени, экспонируя перечислительные, результативные, противительные или сопоставительные и др. отношения между частями сложного предложения (см. примеры текста).

С другой стороны, бессоюзные предложения неоднородного состава могут представлять в одном предложении сочетание различного рода ядерных конструкций (номинативную и эргативную или аффективную, эргативную и аффективную, аффективную и номинативную с эргативной).

Специфика гетерогенных предикаций заключается в создании целостной ситуативной картины, в которой участвуют различные лица парадигмы, запускающие механизм глагольного действия (процесса, состояния).

Связь между частями такого рода бессоюзного предложения с однотипными частями осуществляется интонационно и по смысловому соотношению функций речевых и аффективных лиц, участвующих в структуре предложения.

Предложения с нетипизированными частями демонстрируют (сочинительную или подчинительную связь) отношения взаимозависимости со значением уступки, условия, сравнения, причины и следствия, значение пояснения, а также предложения с семантикой присоединения (прибавленного сообщения) во второй части. Предикативные центры таких

конструкций объединяет, прежде всего, специфическая интонация и различного рода сочетания ядерных структур ингушского языка, акциональность которых связана с речевыми и аффективными компонентами парадигмы лица. Специфическая интонация прерывистости в сфере сложного бессоюзного предложения с присоединительным значением может экстрагировать в паузу, обуславливая в ингушском языке отношения парцелляции.

Принятые сокращения

POS	– посессив (генитив)
INF	– инфинитив
Vf	– спрягаемая форма глагола
DEEVf	– деепричастие с глаголом-связкой
	– номинатив
NOM	– аффектив
AFF	– эргатив
ERG	

Список литературы

1. Белошапкова В. А. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: 1970. – С. 650-738.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. 4-ое изд., испр. – М.: «Высшая школа». 2003. – 416 с.
3. Оздоев И.А. Сложное предложение ингушского литературного языка В кн.: Вопросы вайнахского синтаксиса. – Грозный. 1962. – С. 5-24.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
5. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений//Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. 4. С. 116.
7. Русская грамматика. М. 1980. Т.2. С. 630, 650-655.
8. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. -2-е изд., испр. и доп. – М.: «Высшая школа». 1989. – 800 с.
9. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань. ООО «Кеп», 2017. 376 с.
10. Тариева Л.У. Смысловый и просодемический аспекты интерпретации сложного бессоюзного предложения в ингушском языке. – Магас. 2019. – С. 220-230.